XX 63/11

№ 8 ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

АВГУСТ
1962

МУРЗИЛКА

А

Африка, Африка, край непокорный!
Была ты рабом у заморских господ.
Но белым не хочет прислуживать чёрный,
Африка с бою свободу берёт.

Б

Барабан молчать не может,
Песенка его тревожит.
У песни звонкие слова:
— Левой, правой, раз, два!

В

Ветер, ветерок, ветрище,
Ты чего по свету рыщешь?
Лучше улицы мети
Или мельницы крути.

Г

Галстук мой красный —
Три маленьких пламени,
Частица великого
Красного знамени!

Д

Дом кирпичный или сруб,
Дом с трубою, дом без труб —
Вырастает новый дом,
Чтобы люди жили в нём.

Е

Еноту лето ни к чему,
На солнце скалит зубы.
Не сладко в жаркий день тому,
Кто не снимает шубы.

Ё

Ёлка наряжается —
Праздник приближается.
Новый год у ворот,
Ребятишек ёлка ждёт.

Ж

Жадину я ни о чём не прошу,
В гости я жадину не приглашу.
Не выйдет из жадины друга хорошего,
Даже приятелем не назовёшь его!

З

Знамя наше развевается
Над просторами земли.
Шли за ним в бои чапаевцы,
Моряки в атаку шли.

И на стройках и на полюсе —
Там, где трудится народ,
Знамя вместе с нами борется
И всегда зовёт вперёд.

И

Индюк надутый всем знаком,
Но дружат с ним едва ли.
Не важничай,
Чтоб индюком
Тебя не называли!

П-63-2748

Й

БоЙ гремел упорный долгий
Под Москвой, в степях у Волги.
Мы фашистов разгромили,
Чтобы люди в мире жили.

К

Космонавт. Такого слова не было
Среди многих, многих тысяч слов.
Привезли его на Землю с неба
Лётчики Гагарин и Титов.

Л

Луна взошла. Блестит луна,
В окне чернеющем видна.
У солнца кончен день рабочий.
Луна взошла. Спокойной ночи.

М

Мама! Так тебя люблю,
Что не знаю прямо!
Я морскому кораблю
Дам названье «МАМА».

Н

Нос не в свои дела суют,
Носами перед сном клюют.
Зато один весёлый нос
Папаша Карло нам принёс.

О

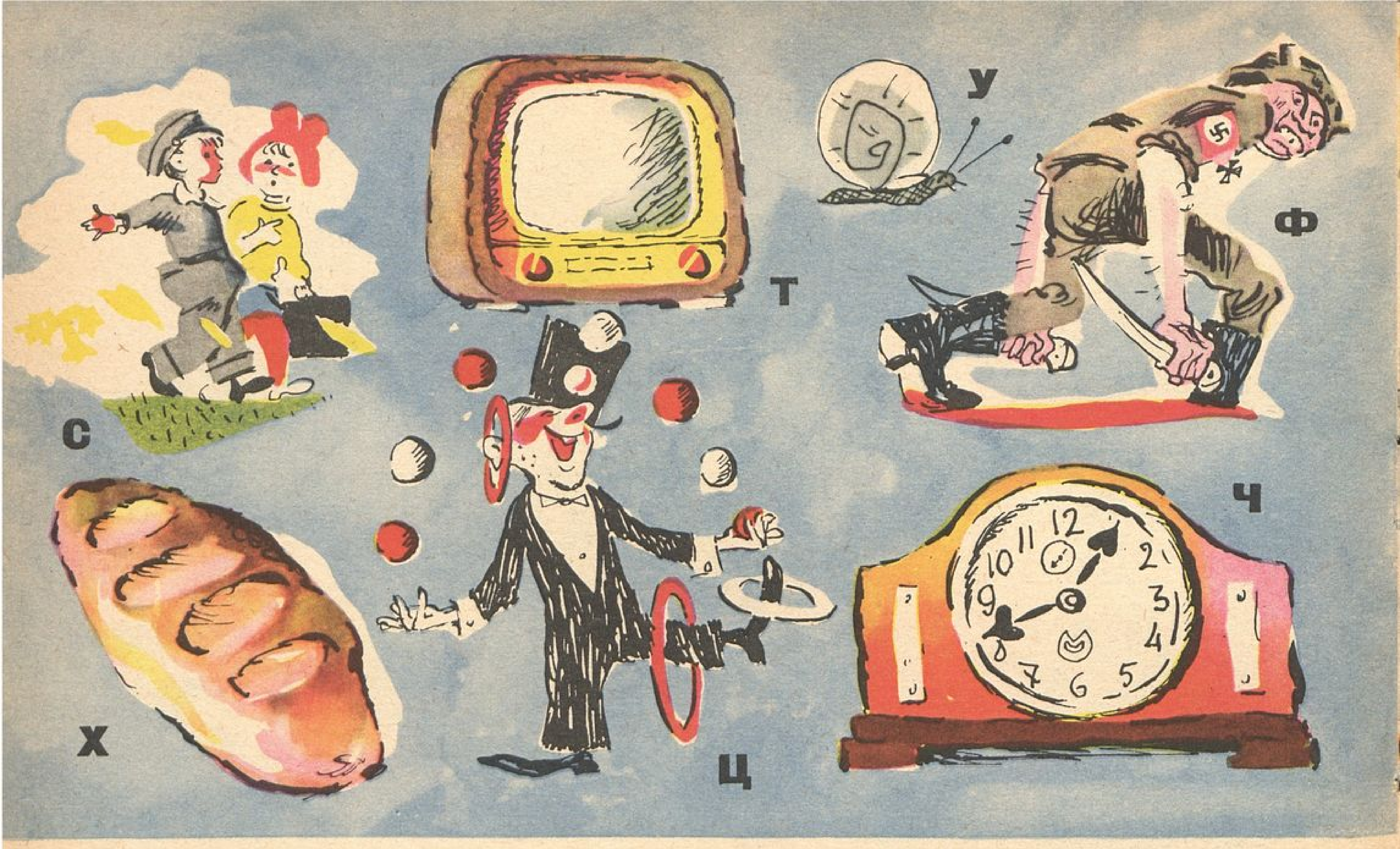
Октябрёнок, это ты
Был для маленьких примером.
Скоро сбудутся мечты —
Станешь юным пионером.

П

Парашют раскрылся сам,
В небе, как цветок, повис.
К луговым земным цветам,
Вниз плывёт парашютист.

Р

Радуга-дуга,
Радуга-дуга,
Мост через небо,
А где же берега?



С

Сентябрь. Начинается осень.
В руках у ребят буквари.
Мы позднее солнышко просим:
Ещё хоть денёк подари!

Т

Телевизор любят дома.
У него один секрет:
С тётей Валей мы знакомы,
Тётя Валя с нами — нет.

У

Улита-улитка,
Шагаешь ты не прытко:
От калитки до меня
Проползёшь четыре дня.

Ф

Фашист. Он жёг и убивал,
Он грабил, города взрывал.
Фашист — страшнее нету слова.
Фашизму не вернуться снова!

Х

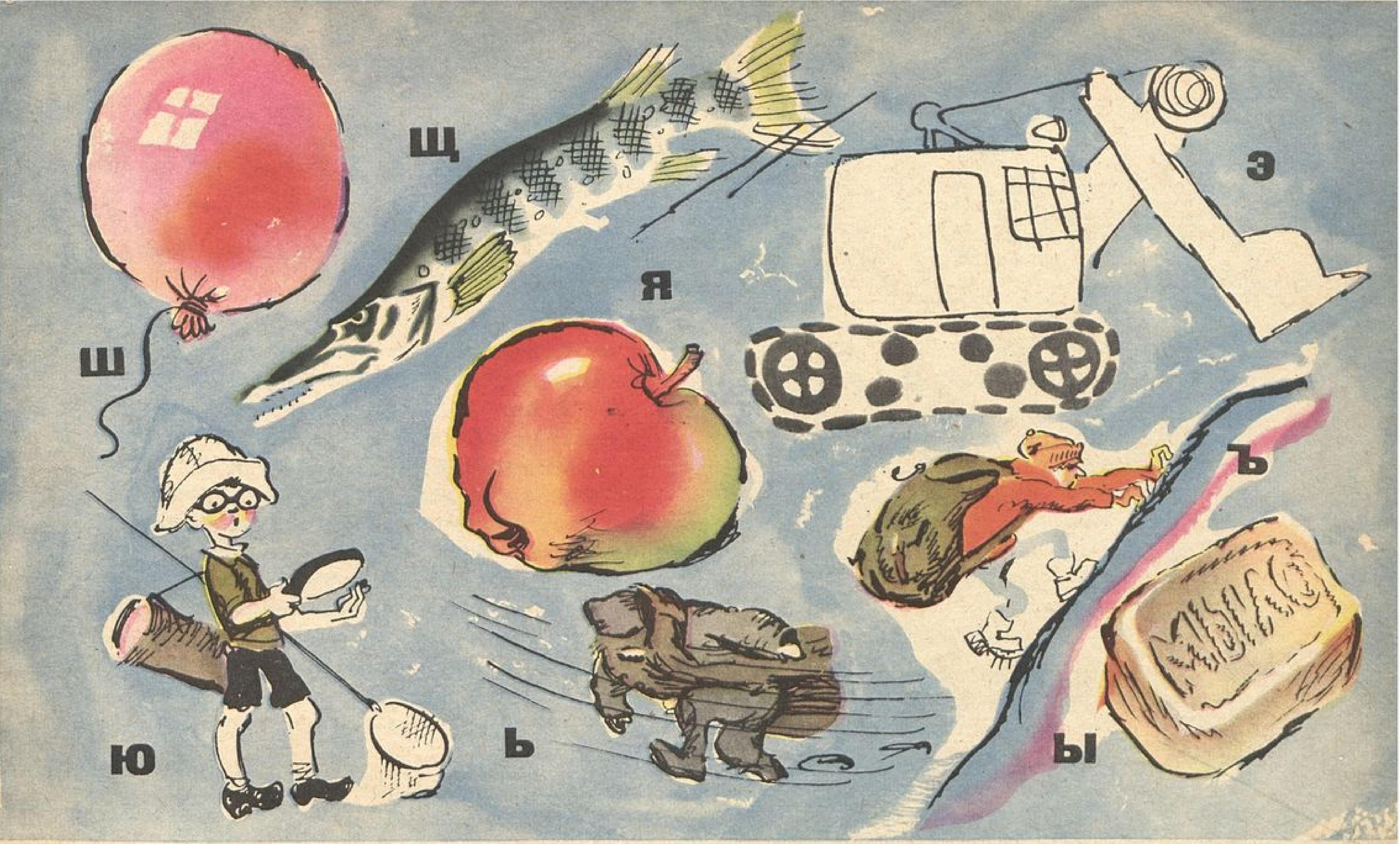
Хлеб ржаной, батоны, булки
Не добудешь на прогулке.
Люди хлеб в полях лелеют,
Сил для хлеба не жалеют,
Пашут каждую весну,
Подымают целину,
Сеют, жнут, ночей не спят...
С детства знай, как хлеб растят.

Ц

Цирк гудит. Весёлый клоун
Яркой краской размалёван.
В цирке школьников полно,
Очень школьникам смешно.

Ч

Часы не спят, не дремлют,
Всегда они в пути.
Ракетой мчится время —
Смотри не упусти!



Ш

Шарик свёрнутый лежал,
Чтоб в окно не убежал.
А теперь его надую,
С ним на улицу пойду я.

Щ

Щуке с осени пойдёт
Сто четырнадцатый год.
Не поймаем на обед —
Проживёт ещё сто лет.

Ъ

ПодЪём — для тех,
кто ловок, смел,
Он беспокойным в пору.
На холм взобраться ты сумел —
Штурмуй большую гору.

Ы

МЫло душистое,
Белое, мылкое,
Мыло глядит на грязнулю
С ухмылкою:
Если б грязнуля
Вспомнил про мыло,
Мыло его
Наконец бы отмыло!

Ь

ВЬюга хлещет так и сяк,
Бьёт в лицо крупой сыпучей,
Очень жёсткой и колючей,
Несмотря на мягкий знак.

Э

Экскаватор — крану брат:
Ворошит такие глыбы,
Что, пожалуй, сто лопат
Их осилить не смогли бы.

Ю

Юннат работает в саду.
Я помогать ему иду,
Чтоб вырастил быстрей юннат
Редиску, тыкву и гранат.

Я

Яблоко спелое, красное, сладкое,
Яблоко хрусткое, с кожицей гладкою.
Яблоко я пополам разломлю,
Яблоко с другом своим разделю.

Стихи Я. АКИМА
Рисунки Л. ТОКМАКОВА и В. ЛОСИНА

РАЗГОВОР В ЛЕСУ

Поработал Мурзилка в редакции, а к вечеру поехал за город — погулять. Ходит по лесу, любуется яркими осенними листьями — вот красота! Нарвал себе Мурзилка большой букет этих листьев — в Москву отвезти. И присел на пенёк отдохнуть. Видит, из осинника выбегает весёлая компания — три мальчика и одна девочка.

Узнали ребята Мурзилку, обступили его.

— Что ты здесь делаешь?

— Гуляю, — отвечает Мурзилка. — А вы что делаете?

— И мы гуляем. Бегаем.

— В школу не собираетесь?

— Собираемся, — говорят, — в первый класс.

— А как вы собираетесь?

— Сейчас никак, — говорят ребята, — а потом соберёмся и пойдём.

— А как вы потом будете собираться?

— Очень просто — встанем да пойдём!

— Вот тебе и на! — заволновался Мурзилка. — Не все ещё знают, как надо в школу собираться. Постойте-ка, расскажу я вам одну историю... Знал я одного мальчика. В прошлом году он поступил в первый класс. Настало первое сентября, и пошёл мальчик в школу. Но он был очень легкомысленный мальчик. Ему казалось, что в школе он будет совсем как дома. И будет там делать, что ему захо-

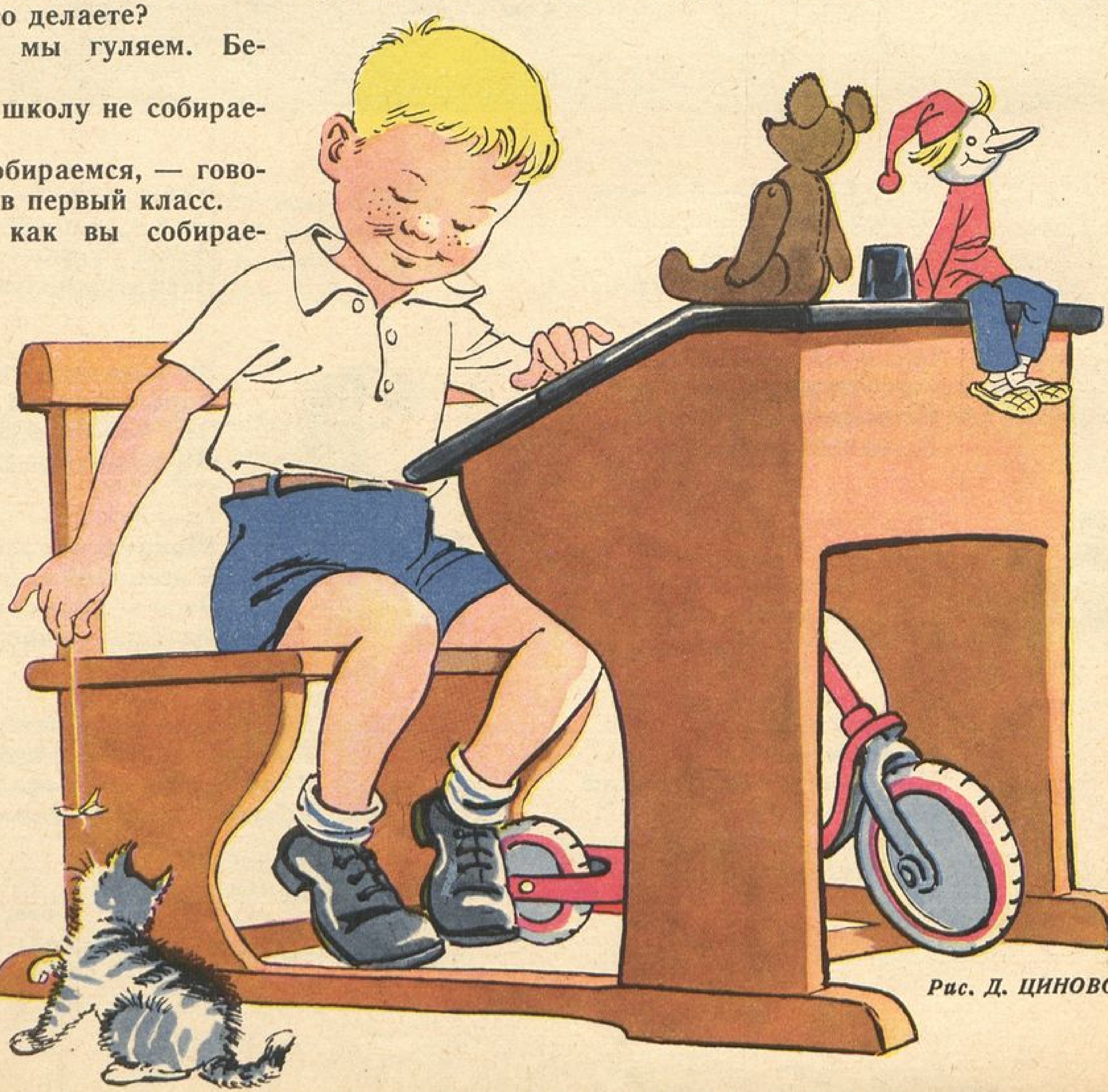


Рис. Д. ЦИНОВСКОГО

чется. Знаете, как он отправился в школу? Что он с собой взял?

— Тетради! — крикнул один мальчик.

— Карандаши! — крикнул другой.

— Учебники! — сказала девочка. — И букварь!

— Как бы не так! Он взял с собой своего любимого плюшевого мишку, игрушечного Петрушку и... кошку!

Засмеялись тут все ребята, и Мурзилка тоже.

— Нет, — сказали ребята, — мы-то знаем, что кошку в школу брать не надо: не к чему.

— Надо взять цветы, — сказала девочка.

— Вот это ты молодец! — обрадовался Мурзилка. — Цветы надо взять непременно — подарить их учительнице. Или букет осенних листьев: тоже очень красиво. Вот такой, как у меня.

И Мурзилка показал ребятам букет.

— А ещё что?

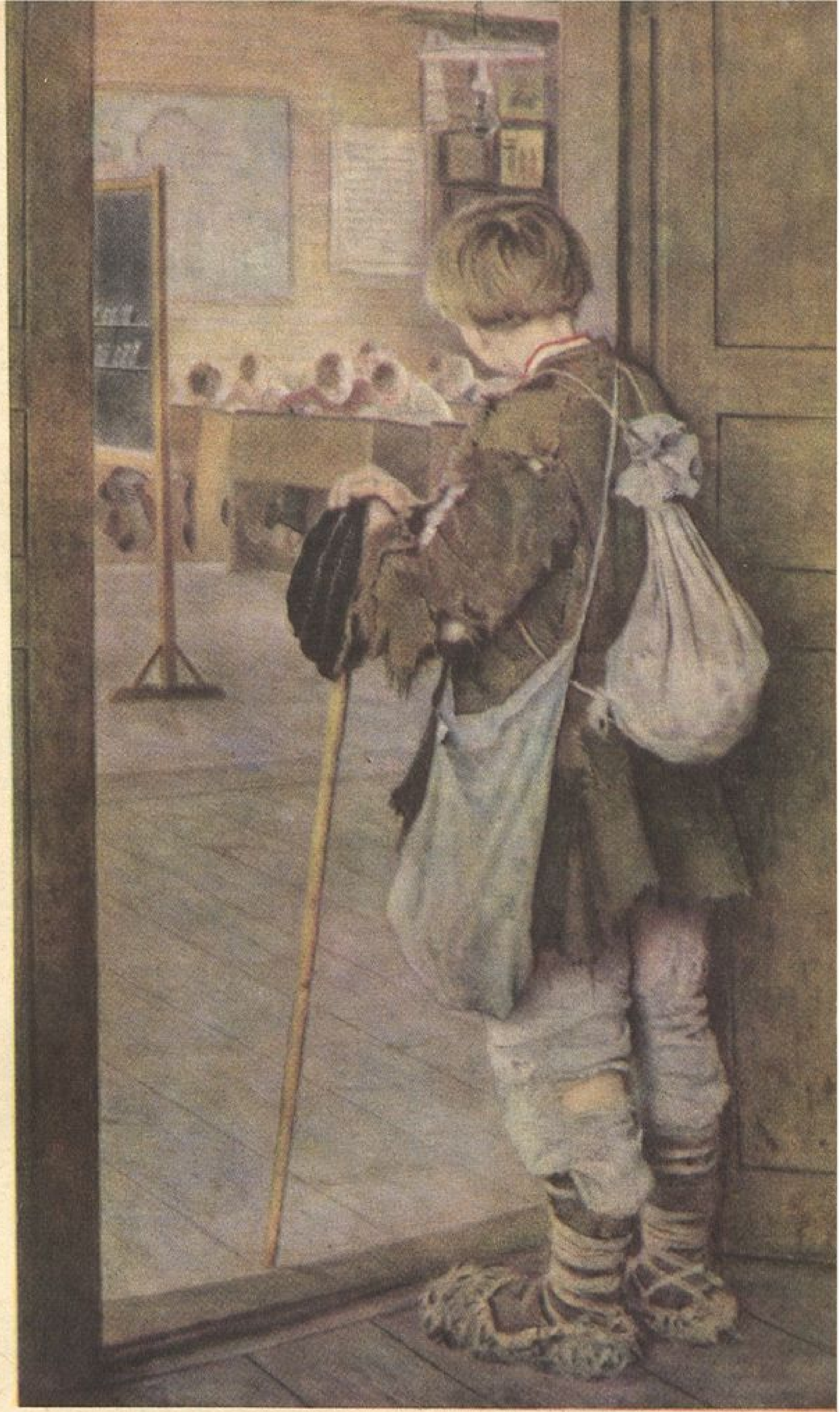
Задумались ребята — не знают, что ответить.

— Эх вы! — говорит Мурзилка. — А завтрак? Ведь в школе вы будете почти весь день и проголодаетесь. Завтрак надо взять. И ещё я вам посоветую: выучите к первому сентября стихи. Небольшое стихотворение о школе или об осени. Вы прочтёте его в классе — и всем будет очень приятно. Я уже не говорю о том, что все вы должны быть в школьной форме: это вы сами знаете.

— Знаем, знаем! — закричали ребята. — Да ты, Мурзилка, не беспокойся, мы тебя не подведём. И стихи выучим и осенних листьев и цветов нарвём.

— Ну, спасибо! — сказал Мурзилка.

— А ты расскажи о нашем разговоре в журнале, — попросили ребята Мурзилку. — Тогда уж наверняка все будут знать, как надо к школе готовиться.



На этой картине нарисована дореволюционная школа. Всё здесь нам кажется странным: керосиновая лампа под потолком, в углу — иконы. На первой парте один ученик в валенках, а второй — босиком. Нет у него обуви, и он пришёл босиком, хотя на улице уже холодно.

У дверей класса — мальчик. Ему бы тоже хотелось учиться, но он об этом даже и не мечтает. Он нищий, оборвыш. Вам трудно представить себе, что было когда-то такое время, когда по дорогам России бродили дети, для которых земля была постелью, а небо — крышей.

«У ДВЕРЕЙ ШКОЛЫ». *С картины Н. Богданова-Бельского*

Тридцать пять лет назад в Америке были казнены рабочие революционеры Сакко и Ванцетти.

Юрий ЯКОВЛЕВ

САККО и ВАНЦЕТТИ

Рис. А. БРЕЯ

Когда рисуешь ты поля
Или деревья тополя,
Берёшь ты заострённый
Свой карандаш зелёный.

Когда рисуешь ты бойца
И твой боец хорош с лица,
Ему ты знамя в руки дашь —
Тут нужен красный карандаш.

И, отпечатаны на нём,
Два имени горят огнём.

Мой карандаш такой, как ваш,
Беру я в руки карандаш,
Чтоб рассказать вам, дети,
Про двух рабочих и бойцов,
Про двух несдавшихся борцов,
Про Сакко и Ванцетти.

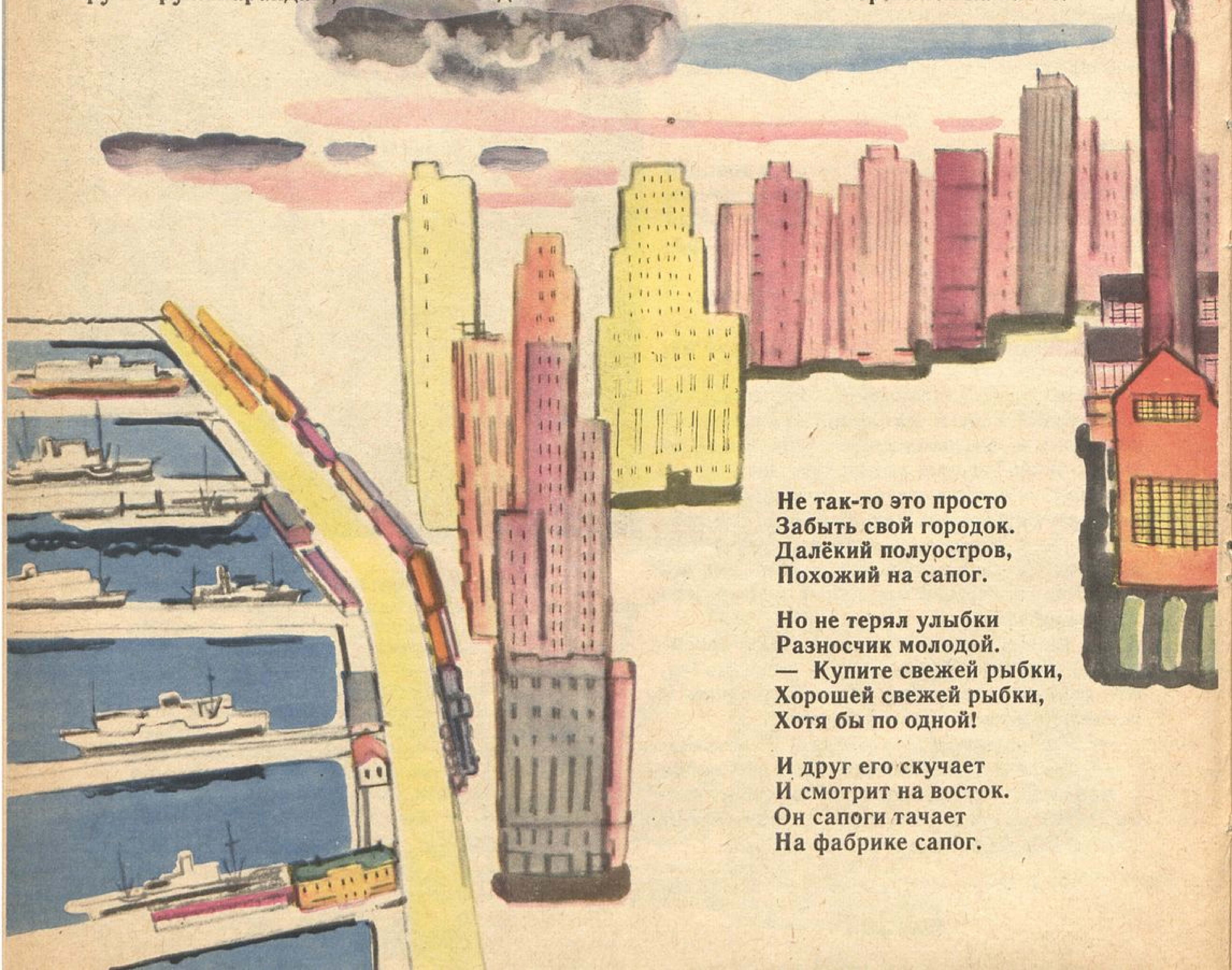
* * *

Два смуглых иностранца
В Америке живут.
Два друга итальянца
О родине поют:

«Нам речь родного берега
Отсюда не слышна.
Америка,
Америка,
Богатая страна!

Наш край родной от голода
Согнулся и ослеп.
Мы ищем здесь не золото,
А свой рабочий хлеб».

Едва заря засветит
На алом кирпиче,
Уже спешит Ванцетти
С корзинкой на плече.



Не так-то это просто
Забыть свой городок.
Далёкий полуостров,
Похожий на сапог.

Но не терял улыбки
Разносчик молодой.
— Купите свежей рыбки,
Хорошей свежей рыбки,
Хотя бы по одной!

И друг его скучает
И смотрит на восток.
Он сапоги тачает
На фабрике сапог.

Гвоздям, прямым и острым,
По шляпкам бить с руки.
На милый полуостров
Похожи сапоги.

***

Что нужно двум рабочим?
А им-то, между прочим,
Нужны не миллионы —
Нужны им макароны,
Простые макароны
И горсточка маслин.

Америка,
Америка,
Чужая сторона!
Волна родного берега
Отсюда не видна.

Они несут листовки
С призывом к забастовке.

Их лица стали строже,
Зовёт их слово в бой.
Листовки пахнут кожей
И рыбьей чешуёй.

Слова рабочих горячи,
Они острей штыков.
И порешили богачи:
— В тюрьму бунтовщиков! —
И двух борцов ведут во тьму,
В большую крепкую тюрьму.

Тюремщик повернул слегка
Огромный ключ с бородкой.
И в синем небе облака
Расчерчены решёткой.

Но нет ещё тюрьмы такой,
Чтобы вместила шар земной,
И нет решёток прочных
Для всех людей рабочих!

За что тюремщик лютый
Прервал ваш смелый путь?
За то, что всех разутых
Хотели вы обуть.

Но если здесь, в Америке,
Бездомный спит на скверике
И дети безработных
Не видят молока, —
Хотя ты иностранец,
А не американец,
Но разве не сожмётся
В кулак твоя рука?

Глаза у двух друзей горят,
Сердца у двух бойцов горят.
Друзьям американским
Они о стачке говорят
С акцентом итальянским.

За то, что всех голодных
Хотели накормить,
Вас, гордых и свободных,
Решает суд казнить.

Прощай, родного берега
Зелёная волна!
Америка,
Америка,
Чужая сторона.

— Друзья! — сказал Ванцетти. —
Вам жить на белом свете.
Одним горячим сердцем
Пусть бьются все сердца,
Одним горячим сердцем
Рабочего-борца.

Нам было жить не просто.
Прощай, наш полуостров,
Далёкий полуостров,
Похожий на сапог...

* * *

И были ночью казнены
Два смелых иностранца,
Два сына солнечной страны,
Два друга итальянца.

Они дрались, чтоб были
На свете все равны,
Чтоб люди в дружбе жили,
Чтоб не было войны.

И чтоб с родного берега
Шла песня, как волна:
Америка,
Америка,
Родная сторона!

Беру я в руки карандаш,
Обычный школьный карандаш,
Какими пишут дети.
И, отпечатаны на нём,
Два имени горят огнём:
Сакко и Ванцетти.

ПЛИМ!

И. ТОКМАКОВА

Ложка — это ложка,
Ложкой суп едят.
Кошка — это кошка,
У кошки семь котят.
Тряпка — это тряпка,
Тряпкой вытру стол.
Шапка — это шапка,
Оделся и пошёл!
А я придумал слово,
Смешное слово — плим!
Я повторяю снова —
Плим, плим, плим!
Вот прыгает и скачет —
Плим, плим, плим.
И ничего не значит
Плим, плим, плим!

Рис. Л. ТОКМАКОВА

А. МИТТА

Пришёл Коля к Мише в гости. Пальто на вешалку повесил. Ноги о половик вытер, волосы у зеркала пригладил, сказал Мишиной бабушке «Здравствуйте!» и пошёл в Мишин угол в игрушки играть.

— Вот бы ты, Миша, поучился у Коли порядку да вежливости, — сказала бабушка.

Поиграли ребята в Мишины игрушки, решили к Коле пойти.

Привёл Коля Мишу к себе домой. Галоши в угол кинул, пальто — в другой.

— Бабушка, — кричит, — это я с Мишей! Повесь пальто!

8
9
10
7
T
T
T
T
6
T
T
T
T
3
4
5

НА СТРАЖЕ МИРА

Из немецкого детского журнала „Die-ABC-Zeitung“

В этой игре вы проведёте целый день с пограничниками.

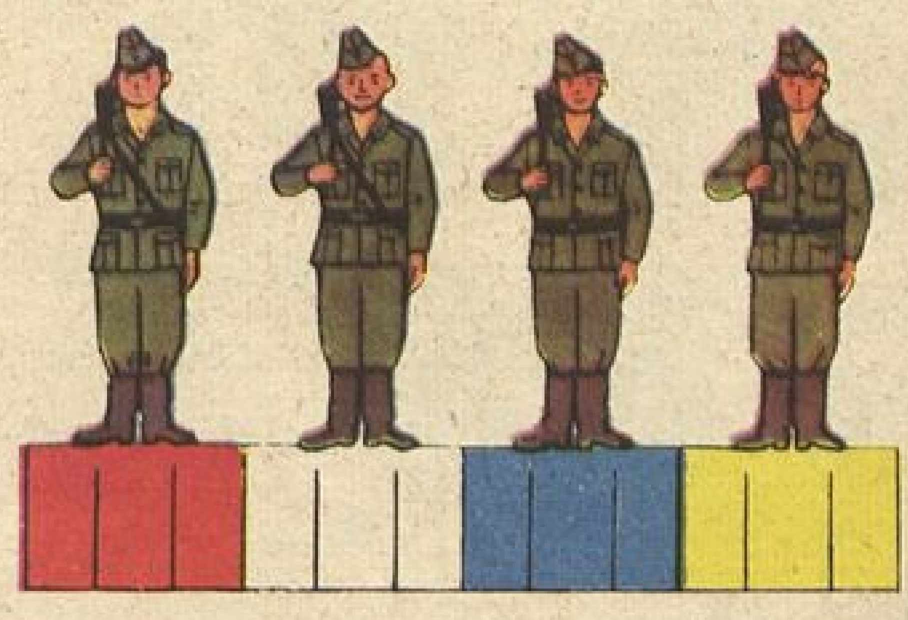
Каждый играющий вырезает цветную фигурку пограничника и ставит её в казарме, на прямоугольник такого же цвета.

Ребята по очереди бросают кубик. У кого выпадет шестёрка, тот начинает игру.

Кружочки с цифрами означают:

1. Своевременный подъём — играющий продвигается на три кружочка вперёд.
2. Образцовая утренняя зарядка — прибавляется ход.
3. Плохо начищенные сапоги — начинает сначала.
4. Дружеское приветствие местных жителей — продвигается на пять кружочков.
5. Образцовая сдача вахты — прибавляется ход.
6. В сапоге гвоздь; нужно вытащить — пропускается ход.
7. Заметил нарушителя границы — продвигается на пять кружочков.
8. Задержал нарушителя — продвигается до своего телефона.
9. Сможет переправиться через ручей — делает ещё один ход.
10. Получил благодарность за хорошее несение вахты — делает ещё один ход.
11. Держит оружие в боевой готовности — продвигается на шесть кружочков.
12. Помогает товарищам в учёбе — продвигается на три кружочка.
13. Вовремя лёг спать — закончил игру.

Пограничник во время игры должен передать важное сообщение. У каждого — два телефона (кружочки с буквой «Т», такого же цвета, как и фигурки). Если играющий не попадёт ни на один из этих кружочков, начинает игру сначала.



КАПИТАН

Виталий **КОРЖИКОВ**

Рис. А. **ЛИВАНОВА**

Жарко в селе. Куры от солнца под заборами в пыль забились. Поросёнок у колодца в тень лёг. Не дышит. А если кто-нибудь проходит мимо, откроет глаз и смотрит, смотрит. Будто только один глаз и живёт. Даже тень и та, кажется, за колодец прячется.

Только ёлочки на сопках бодрые, зелёные, а за сопкой белое облако, как громадная снежная баба, поднимается.

Скучно дома сидеть. Выглянул Андрей за калитку, а навстречу соседская девчонка, Ирка. Тоненькая, чёрная, одни ладошки белые. Наклонила голову набок, глаз от солнца сощурила:

— Пойдём на речку!

— Ругать будут.

— А мы не будем купаться. Только на брёвнах посидим.

Поглядел Андрей через плечо на дом, переступил босыми ногами по камушкам:

— Ну, пойдём.

Перебежали асфальтовую дорогу — бензином от неё пахнет. Пятку о пятку потёрли — и на траву: там прохладнее.

Окунулись у берега, забрались на бревно. Покачнулось бревно и на место встало. Посидели чуть-чуть. Горячо! Передвинулись. От трусов на бревне мокрые пятна остались. Побегали по брёвнам, опять сели. Посмотрели, как река из-за сопки течёт, кажется, будто из самой горы вытекает.

— А я ногу в воду опущу.

— И я.

Здорово как! Вода через ноги, будто через плотину, перекатывается. И не поймёшь, то ли река тебя качает, то ли бревно покачивается. А сколько рыб под ногами на дне кружится! Снял Андрей майку, зажал один конец, а другим зачерпнул целую стайку. Потом отпустил вторую руку, а рыбёшки из ворота, как детвора из детсада, в разные стороны! Забрался Андрей на бревно, а Ирка говорит:

— А теперь я!

Только спрыгнуть хотела, покачнулось бревно и поплыло. Спохватился Андрей, говорит:

— Прыгаем!

А Ирка уцепилась за бревно, смотрит на быструю воду и бормочет:

— Боюсь!

— Прыгай!

— Боюсь!

Стал Андрей её сталкивать, а она как завизжит! Чуть бревно не перевернулось. Оглянулся Андрей, а они уже на середине плывут. Подгоняет вода бревно. То присядет оно, то всплывёт. Орёт Ирка. Берега мимо летят.

Сидит Андрей на краю бревна. Страшно становится. Вода по бокам облизывается. Даже в глазах замигало. И холодно. А впереди сопка, а там поворот. И тайга медвежья. Вскочил Андрей. Закусил губу. Хочет прыгнуть, сунет ногу в воду, а на Ирку оглянется — вытащит.

— Прыгай!

— А-а!

Вот за деревьями у Раковки сплавщики показались, брёвна толкают. Замахал Андрей, слёзы глотает и как закричит:

— Дяди! Дяди! — и на Ирку оглядывается.

Замахали сплавщики руками, наперерез бревну бросились. Подскочил один, поскользнулся, а бревно мимо. Размахнулся второй багром, успел в край всадить, еле сдерживает. Подоспел первый, схватил Ирку, а она всё от бревна не оторвётся. Взялся и Андрей за руку. Спрыгнул. Идёт по грудь в воде, а другой ладошкой слёзы вытирает.

Вывел их сплавщик на берег. Снял резиновые сапоги, воду вылил. Брюки и куртку выжал, перебросил через плечо и на свой берег вброд отправился. Оглянулся посреди реки и кивнул сурово головой:

— Ну-ка, забирай свою команду и марш домой! Капитан!

Шелестит, трётся вода у ног, в глаза заглядывает, будто виноватая.

— Пойдём, Ирка.

— А я не хочу, — покосилась Ирка, глаз сощурила.

— Пойдём!

— Не пойду!

— Ну и тони! И никто тебя спасать не будет.

— А ты сам спасался. Сам кричал: «Дяди!»

Подобрал Андрей майку, выкрутил, вспомнил про панаму, поглядел на речку и пошёл.

— Андрей!

Молчит.

Вскочила Ирка:

— Андрей!

Идёт Андрей, одуванчики ногой задевает. Пушинки по полю летят. Не оборачивается. Грустно ему почему-то...

Ведь может стать человеку грустно, даже если он капитан!

Откуда течёт Морошка

П. НАВОЛОЧКИН

За нашей деревней, видать из ворот,
Река под названьем Морошка течёт.

Хорошая речка, песчаное дно.
Сомов в ней немало, касаток полно.

Да только не знает в деревне народ,
Откуда Морошка начало берёт.

Один говорит: «Есть ключи за горой».
«Из синих озёр», — возражает второй.

А друг мой, нанаец Сережа Киле,
Сказал: «Из-под сопки в таёжной земле».

И вот мы тропой через наш огород
Отправились утром в далёкий поход.

Река повернула направо, за рожь,
И мы повернули — от нас не уйдёшь!

Шагали мы долго, дошли до бугра.
Кричу я ребятам: «Обедать пора!

У этой Морошки конца не видать,
Чего это будем мы зря голодать!»

Киле говорит: «Ух, какая жара!
Наверно, домой возвращаться пора».

Домой так домой, возражать я не стал:
И ноги устали, и сам я устал.

...Обратно вдоль речки дорогой кривой
Отряд утомлённый шагает домой.

Мошка́ нас кусает, и солнце печёт.
...Но всё же откуда Морошка течёт!

Наверное, знают медведь или лось,
Которым в верховьях бродить довелось.

У белки спросить бы, не то у сома...
Ведь речка Морошка не скажет сама!

ГДЕ хранятся ГОДЫ

Григорий ВИЕРУ
Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Однажды Дору сидел на коленях у своего дедушки и гладил его волосы.

— Дедушка, а почему у тебя волосы белые? — спросил Дору.

— Потому что я стар.

— А почему ты стар?

— Потому что лет мне много.

— А почему тебе много лет?

Дедушка почесал затылок и ответил:

— Потому что я не потерял ни одного года своей жизни, а сохранил их все до единого.

Дору никак не мог понять этого.

— А где ты хранишь свои годы? — спросил он.

Задумался дедушка.

— Ну хотя бы здесь, — наконец ответил он и показал на свой дом. — Половину жизни батрачил я у помещика, чтобы построить дом. Тяжёлые это были годы.

— А ещё где ты хранишь свои годы? — спросил Дору.

— Хорошие годы в колхозе храню, — ответил дедушка. — Во всех делах колхоза есть мой труд и мои годы. И в этих ульях тоже.

Дедушка показал на колхозную пасеку, что была рядом. Дору увидел пасеку и вспомнил, как недавно помогал дедушке новый улей мастерить.

— Вон тот, помнишь? — спросил он.

— Конечно, помню, — сказал дедушка. — Значит, в этом жёлтом улье один твой год сохранился.

— А ещё?

— А ещё, — сказал дедушка, — в свирели из бузины, которую ты сам сделал.

— А ещё?

Подумал дедушка и говорит:

— А ещё в том, что ты маме да папе помогать учился.

— А ещё? — не унимался Дору.

— А первый твой год, — объяснил дедушка, — живёт в делах твоих родителей. Как ты на свет появился, стали они веселее жить и трудиться.

Обрадовался Дору. Значит, и он пока ни одного года даром не потерял.

Перевёл с молдавского Сергей БАРУЗДИН

Ефим ЧЕПОВЕЦКИЙ

ВЕРТОЛЁТЧИКИ

Назначаюсь я пилотом,
Ты мотором,
Он хвостом,
И не нужен вертолёту
Никакой аэродром.
Он взлетает прямо с крыши
Выше птиц
И туч повыше,
И свободно может он
Приземлиться на балкон.

Мы теперь не лётчики —
Теперь мы вертолётчики!

Вертолёт у нас работник,
Выручал друзей не раз:
Он разведчик и охотник,
Он и кран и верхолаз.

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА,
М. СКОБЕЛЕВА

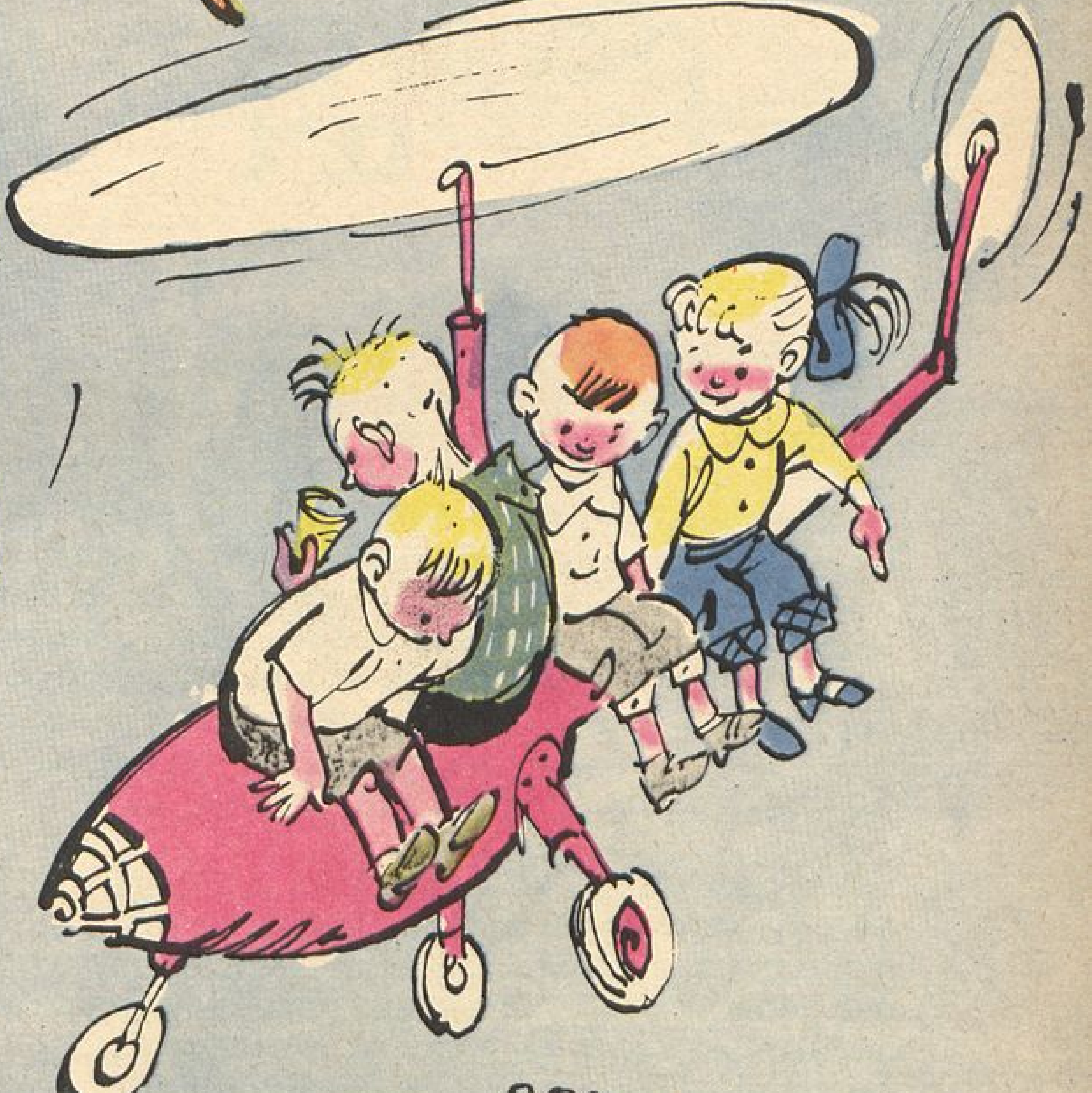
На углу высотный дом
Подрастает, строится,
Крыши нет ещё на нём,
Кран ему до пояса.
А высотник вертолёт
Балки сверху подаёт.

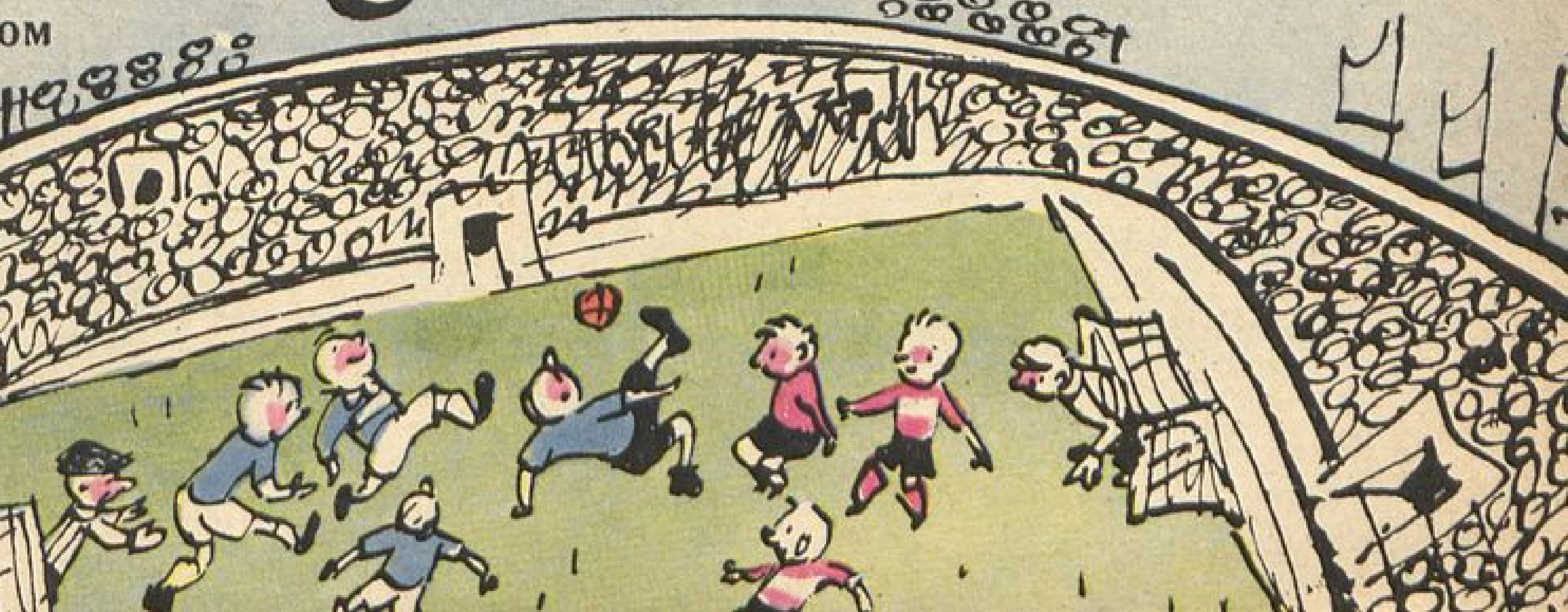
За Полярным вьюжным кругом
Пятый день бушует вьюга,
Путник сбился, нет пути,
Нету сил вперёд идти.

Где добыть огня и хлеба?
Погибает человек!
Но спасенье прямо с неба
Опускается на снег.
Человек не пропадёт,
Вот что значит вертолёт!

С ним удобно на охоте,
Зверь не страшен — высота.
А «болеть» на вертолёте —
Это просто красота:
Матч «Динамо» и «Спартак»
Ты глядишь себе «за так».
Ведь пройти не всякий может,
А тебе печали нет:
В небесах сиди, как в ложе,
И «болей» хоть триста лет.

Позавидует народ.
Вот что значит вертолёт!





Добрая мачеха

Борис ЗАХОДЕР — **Рис. Е. МОНИНА**

Плыл я как-то на пароходе по Волге и услышал, как одна женщина рассказывала своей дочке сказку про добрую мачеху.

Сказка мне очень понравилась. Я думал, что она где-нибудь напечатана, но сколько ни искал её во всех сборниках русских сказок, найти не мог.

Тогда я решил сам записать эту сказку так, как её рассказывала женщина на пароходе.

Вот эта сказка.

Умерла у царя молодая жена и оставила ему маленькую дочку. Любил её отец пуще всего на свете. Да и не диво: росла она пригожая да ласковая, разумная да весёлая — отцу на радость, всем на загляденье. А как пошёл ей седьмой годок, стала она задумываться, стала и печалиться.

Вот её отец и спрашивает:

— Дитятко моё любимое! Отчего ты кручинишься, о чём печалишься?

— Как же мне не печалиться, — отвечает дочь, — как мне не кручиниться? Нет ведь у меня матушки родной, расту я сиротою горькою! Коли хочешь, чтобы перестала я печалиться, приведи себе жену, а мне матушку!

— Эх, дитятко, — говорит отец, — я и сам о том не раз подумывал, да ведь одно у нас солнце в небе, одна у нас мать на земле! Не хочу своему детищу любимому приводить в дом мачеху недобрую!

— Приведи же ты мне, батюшка, добрую, чтоб любила она меня, жалела да голубила, — просит дочь.

— Угадать-то трудно, а ошибиться бо-

язно, — говорит отец. — Вдруг она будет недобрая? Ведь жена не рукавица, с руки не скинешь — раз промашку дашь, потом всю жизнь каяться!

— Коли так, — говорит дочка, — позволь, батюшка, я сама отыщу тебе верную жену, а мне добрую мать! Только повели ты созвать со всей столицы девушек на выданье, и чтоб каждая себе наряд подвенечный спряла, соткала, сшила да и узором вышила!

Как порешили, так и сделали. Объявили вестники указ, зажужжали прялки-веретёнца, застучали станки ткацкие, замелькали иглы с нитками цветными в проворных девичьих руках.

А как настал урочный день, собрались в хоромы царские девицы одна другой краше, одна другой наряднее! Много было охотниц стать царицею: в три ряда стали девушки в палате! В первый ряд стали дочери боярские, в другой ряд стали дочери дворянские, в третий ряд стали дочери крестьянские. Стоят они не шелохнутся, царскими палатами любуются. А царь на них любуется!

А царевна взяла да себе пальчик на правой ручке тряпочкой завязала. Вот выходит она в палату, к каждой девушке подойдёт, в глаза ей заглянет да по убору своими пальчиками быстрыми пробежит, словно узор на память выучить хочет, и спрашивает:

— Сама ли шила? Сама ли вышивала?

— Сама, сама, царевна! Сама, сама, милая! — отвечают девушки.

Иная правду говорит, иная душой кривит, да только всё равно царевна улыбнётся, мимо пройдёт и, глядишь, уже у соседки спрашивает:

— Сама шила? Сама вышивала?

Вот уж первый ряд обошла, вот и второй прошла, вот стала и третий заканчивать. И стояла в том ряду Машенька — крестьянская дочь. Наряд-то на ней — других победней, да девушка сама — всех повидней!

Подошла к ней царевна, по убору бежит своими пальчиками быстрыми и снова спрашивает:

— Сама ли шила? Сама ли вышивала?

ПОТЕРЯЛ...

Рис. В. КАНЕВСКОГО

А Машенька, крестьянская дочь, на царевну глянула да вдруг и говорит:

— Ох ты, деточка! Ох ты, сердечная! Никак пальчик-то у тебя болит? Наколола, гляди, или обрезала? Болезная ты моя!

Остановилась царевна и спрашивает:

— А хочешь ли ты быть мне матушкой?

Ничего не сказала Машенька, покраснела да и потупилась...

Взяла её царевна за руку, к отцу своему подвела:

— Вот тебе, батюшка, хорошая жена, а мне добрая мать!

Рисунок на обложке В. ЛОСИНА

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв**

Художественный редактор **Ю. Молоканов**
Технический редактор **Л. Прозорова**

Год издания тридцать восьмой. Цена 10 коп. Подп. к печати 11/VII 1962 г. Бумага 60×92 1/8. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1159.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

Виктор ***ГОЛЯВКИН***
Рис. ***В. ПЕРЦОВА***

ВСЕ куда-нибудь ИДУТ

Художник нарисовал здесь первую строчку из рассказа писателя В. Голявкина «Все куда-нибудь идут».

Каждая картинка — буква: «паровóз» — «п», «осёл» — «о», «стол» — «с».

Отгадай, что написано картинками, а потом читай рассказ.

Вова сказал:

— Я иду в первый класс.

Петя сказал:

— Я во второй класс иду.

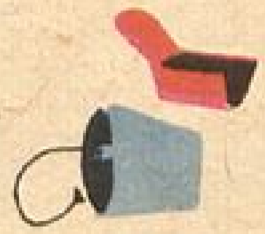
Маша сказала:

— Я в третий класс иду.

— А я? — спросил маленький Миша. — Выходит, я никуда не иду? — И заплакал.

Но тут Мишу позвала мама, и он перестал плакать.

— Я к маме иду! — сказал Миша.



30436

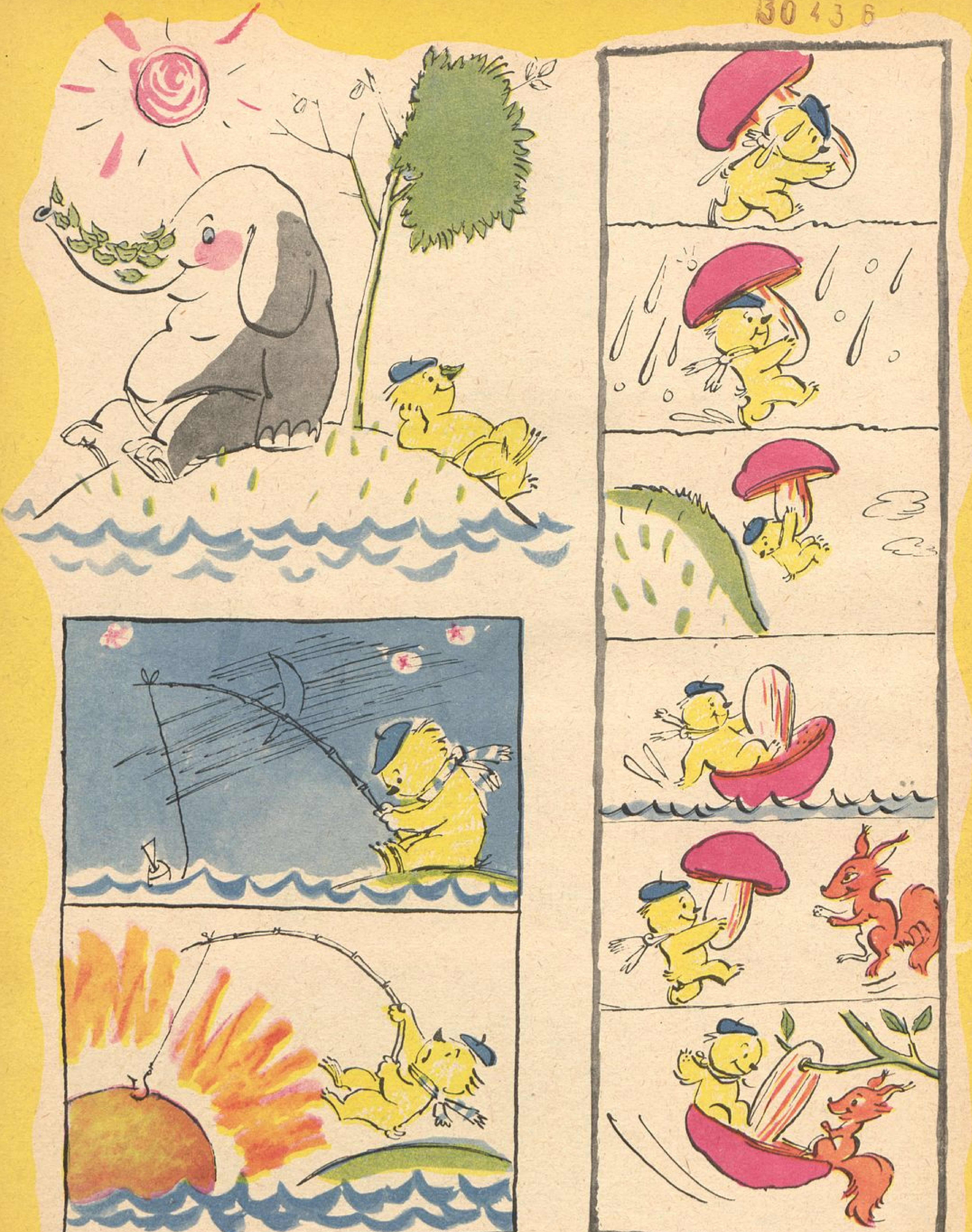


Рис. А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА